

[В. Ф. БОЦЯНОВСКИЙ]

Бунтарь и царь

Новая книга Ю. Стеклова о Михаиле Бакуине¹ читается с понятным волнением в тех ее частях, где автор говорит об «Исповеди». В свое время «Вестник Литературы» [№ 10 за 1919 г.] дал ряд наиболее характерных извлечений из этого страшного документа, так долго хранившегося за семью печатями в царских архивах.

Документ страшный не по отношению к Бакуину только, им скомпрометированному. Едва ли не больше боялся и сам исповедник Николай I. Мы знаем, как хотелось царю пустить его в ход, опубликовать за границей, чтобы дискредитировать бунтаря-анархиста, и как, тем не менее, он на это не решился.

— С нашей современной точки зрения подобный акт, — говорит Стеклов, — представляется совершенно недопустимым. Мы помним, как жестоко карало общественное мнение революционеров всякие попытки вступать в «откровенные объяснения» с жандармами, даже если эти объяснения не носили характера «чистосердечного раскаяния».

«Исповедь» Ю. Стеклов признает актом «безусловно предосудительным». Но, замечает он при этом, здесь «следует принять во внимание условия исторической эпохи».

И это верно. По его словам, у революционеров из привилегированной среды в некоторые моменты сказывалась какая-то духовная связь, какая-то психологическая общность с их преследователями.

По отношению к Бакуину, с внешней стороны, пожалуй, это объяснение подходит. До нас дошли юношеские строки Бакуина во времена пребывания его в юнкерском училище, где он искренно говорит об «обожаемом монархе»... Но все же до «духовной связи» в последующие годы здесь еще далеко.

Отношение к царю у Бакунина и других революционеров-интеллигентов особое, своеобразное. Очень характерно, напр., прошение Н. Г. Чернышевского, в котором он ходатайствовал перед Александром II об отмене приговора по делу молокан².

«Ваше императорское Величество, всемилостивейший государь моей родины», — пишет Чернышевский, — а под прошением подпись: «человек, который, каковы бы ни были его политические мнения, благословляет ваше величество за то, что наперекор неистовым воплям невежд вы спасли вашу империю от напрасных тяжких страданий, не поколебавшись ратифицировать берлинский трактат». (Собр. сочинений, т. X, ч. I, стр. 303–304).

Разве не странно звучит это «благословение» в устах Чернышевского?

Тот же Чернышевский наивно и просто говорит о вере молокан в благонамеренную идиллию, которая «осуществится силою святого царя, того самого, который царствует теперь» (там же, стр. 308).

Некрасов считал свою музу слабой, чтобы воспеть Комиссарова³, спасшего от смерти Александра II, и ждал (в 1866 г.) нового певца, который

...великую песню поет
И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет...⁴

Поэтому «Несчастные» Некрасов заканчивает стихами:

Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя⁵.

Вспомним письма Льва Толстого⁶ к царю, письма Герцена... Влад. Соловьева...

Наконец, то, что говорил сам Бакунин не в «Исповеди», написанной в условиях совершенно особых, в каземате крепостной тюрьмы, а хотя бы в одном из своих писем к Герцену (Письма⁷, стр. 247–248):

...«Если бы император Александр II захотел стать откровенно во главе политической и социальной революции в России, если бы он захотел отдать свободу и независимость Польше, а также всем провинциям, которые не хотят входить в империю, если бы на место этой чудовищной и насильственной империи Петра и Николая он открыл бы Россию свободную, демократическую с административной автономной провинцией, и если бы для увенчания этой новой политики он выставил славянское федеральное знамя, тогда господа, далекие от того, чтобы бороться с ним, мы были бы его самые верные слуги, самые горячие и самые преданные».

Наивно, конечно. Но разве не таким же наивным мечтателем был, например, хотя бы фанатик Фурье... разве не считали возможным он

и его единомышленники — социалисты Леру⁸, Кабе и Роберт Оуэн⁹ вверить осуществление своих мечтаний... Наполеону, кампании близких людей и чуть ли не нашему Николаю I?

Бакунин в этом отношении был верх наивности. Он глубоко верил, что «царь для народа», подобно Богу, только отвлеченность, во имя которой он протестует против жестокой и подлой действительности».

— «Скажем правду, — писал Бакунин в 1862 г. (М. А. Бакунин, изд. Балашова, стр. 180), — мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского... — Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский еще его признает, и что сила его создана, готова на дело и могла бы сделаться непобедимой силой, если бы он дал ей крещение народное. Мы бы еще потому пошли бы за ним, что он один мог совершить и окончить великую мировую революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови».

Это печатно высказанное в изданной в Лондоне в 1862 г. брошюре «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель», по моему мнению, лучше всего уясняет основной тон и значение «Исповеди». Неутомимый пропагандист, Бакунин, со свойственной ему непосредственностью, видел в царе реальную силу и решил не упустить случая распропагандировать самого Николая I.

По поводу слов Бакунина, что все славяне устремились бы под сень русского орла, если бы русский царь стал во главе движения, Николай начертал:

«Не сомневаюсь, т. е. если бы я стал в голову революции славянским Мазаниелло, спасибо»...

Николай I предпочел идти своей дорогой... И как это ни странно, это царское «спасибо» не разбило иллюзий Бакунина, возлагавшего еще надежды на Александра II, а большинство народа их сохранило до наших дней. Нужно было 9 января, инсценированное Гапоном¹⁰, для того, чтобы эти надежды потерпели полное и окончательное крушение.

В книге Ю. Стеклова собрано много ценного и важного материала для характеристики Бакунина. Последующие томы (их будет еще два), конечно, количество этого материала увеличат.

